

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИКЕ: ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ

THE INTERACTIVE APPROACH IN LINGUISTICS: LIMITS OF APPLICATION

*Е. Г. Борисова (egbor@mail.ru)
Международный институт рекламы*

Предлагается описание понятийного аппарата и методики исследований в рамках направления, называемого интерактивным подходом. Его особенностью является включение в динамическую модель языка моментов взаимодействия говорящего и слушающего в процессе общения. Это расширяет рамки прагматического подхода, тоже включавшего в себя моделирование действий участников общения, однако обычно взятых по отдельности друг от друга. Такое расширение дает возможность дополнить алгоритмы выбора необходимых языковых единиц, что позволяет описывать ряд «трудных случаев» в грамматике, различений квазисинонимов в лексикологии. Открывается также возможность для моделирования речевого воздействия. Однако таким образом покрывается относительно неширокий круг задач, что ставит вопрос о пределах применимости интерактивного подхода.

1. Основной тенденцией лингвистики 20 века можно считать стремление к моделированию речевой деятельности. В этом проявилась общая направленность синхронного языкознания (в противовес исторической лингвистике) на максимально полное описание языка как действующей системы. В конце 19 – начале 20 века эта тенденция заставила обратить внимание на структуру языка, вычленив единицы этой структуры – фонемы, морфемы и т.п. В дальнейшем возникла необходимость учитывать использование языковых структур в речи, поскольку реальный материал для наблюдений лингвиста – это результат речевой деятельности. Возникли различные функциональные направления, а в дальнейшем – динамическое моделирование, которое воплотилось первоначально в порождающей грамматике Н.Хомского, а затем в других моделях, из которых наиболее известная у нас – модель «Смысл-Текст» (см. Алпатов 2005).

К семидесятым годам интерес к собственно речевой деятельности автономизировался и привел к возникновению прагматического направления, в рамках которого были постулированы основные условия успешной коммуникации (известные как постулаты Грайса см. Grice 1975) и вытекающие из него особенности речепроизводства. Несмотря на то, что эти условия были самоочевидны и в основном вытекали из главных задач коммуникации, их экспликация оказалась плодотворной: выяснилось, что многие особенности различных языковых единиц объясняются, если обратиться к принципам прагматики. К таковым можно отнести все проблемы, связанные с речевым этикетом, дискурсивные маркеры (вводные слова, некоторые усилительные частицы), некоторые особенности грамматики. Наиболее существенные постулаты (называемые также максимы), определяют, что говорящий должен быть дружелюбен, т.е. выбирать наиболее легко и точно понимаемые средства выражения своего замысла, и релевантен, т.е. должен сообщать ровно столько информации, сколько нужно для понимания (Sperber, Wilson 1986).

В то же время описательно-предсказательный потенциал лингвистического описания, до этого времени определявшийся исключительно точностью и полнотой представления структуры языка, дополнился данными функционального направления. Различные школы функциональной лингвистики развивали семасиологический подход «от смысла к выражению», при котором рассматривались условия выбора единиц из разных структурных групп, способные конкурировать для выражения схожего смысла. Например, сравнивались различные средства выражения причинных отношений: союзы, предлоги, слова являться причиной, вызывать и т.п. – и описывались условия выбора каждой из единиц. Таким образом, удалось существенно расширить способность лингвистических описаний предсказывать появление единиц в тексте.

2. Однако и в этом случае оставалось – и остается – немало лакун, когда появление в тексте какого-либо слова или граммы и недопустимость появления его конкурента не предсказывается существующими правилами. Классическим примером для русского языка можно считать конкуренцию видов глагола, когда для более или менее вероятного предсказания выбора вида пришлось создавать ситуативно привязанные правила, которые, однако, не всегда действовали, не были упорядочены и т.п. (См. Рассудова 1982). Если функциональная грамматика имеет дело с ситуацией, когда для одного смысла может быть использовано несколько средств, то здесь перед нами нечто противоположное: у нас нет грамматических смыслов (в данном случае – аспектуальных), однако выбор какой-либо граммы обязателен, поскольку вид – грамматическая категория, подлежащая обязательному выражению. В результате выбор вида осуществляется с учетом неких косвенных

признаков, что открывает новые возможности номинации, например, совершенный вид получает в некоторых условиях способность передавать значение «сохранение результата» (*Гость пришел – он в доме, приходил – его уже нет*) и т.п. Сходную ситуацию мы наблюдаем при описании ряда других грамматических категорий, а именно – с номинативным содержанием (артикли, времена в английском и т.п.).

Для таких категорий не вполне упорядоченные правила к тому же еще и часто отменяются. Например, известно правило, что после слова *нельзя* инфинитив в совершенном виде означает невозможность действия: *Этот чемодан нельзя открыть*, а в несовершенном – запрет: *Этот чемодан нельзя открывать*. Однако нетрудно найти исключения, которые представляются не случайностью, а проявлением других закономерностей. Запрет может быть выражен и совершенным видом: *Нельзя подойти к женщине и тут же от нее отвернуться*. Здесь выбор вида связан с одной из основных функций совершенного вида – способностью передавать последовательность действий. Получается, что необходимость выражения этой функции оказывается важнее, чем следование правилу о выражении возможности или запрета. Кстати, аналогичным образом обстоят дела и с несовершенным видом после *нельзя*, который в некоторых случаях может использоваться и для выражения невозможности: *Нельзя плавать в ледяной воде дольше нескольких минут*. Здесь необходимость несовершенного вида вызвана важностью передачи значения продолженности действия.

Итак, приходится сталкиваться с ситуацией, когда выбор граммы получается путем сравнения, взвешивания важности двух или более смыслов, из которых может быть выражен только один.

Для таких – и для многих других случаев – выбор может прогнозироваться, если во внимание будут приняты условия речевого общения. Обычно принимается как очевидное, что говорящий выбирает средства для оптимального выражения своего замысла. В рамках лингвопрагматики мы можем считать, что говорящий, выбирая из двух конкурирующих форм, останавливается на той, которая, в соответствии с постулатами речевого общения, будет легче и точнее понята адресатом. При этом принимается во внимание контекст, общие знания участников и т.п. Учет такого момента в поведении говорящего и прогнозирование на этой основе выбора языковых единиц и их понимания и составляет основу подхода, который мы называем интерактивным.

Интерактивный подход заставляет вовлекать в процесс прогнозирования выбора языковой единицы не только сведения о языковой структуре, но и дополнительную информацию, характеризующую каждую конкретную ситуацию общения. Это ограничивает возможности выведения инвариантных сведений об этих единицах в достаточно полные и однозначные правила – в тех случаях, когда эти правила все-таки пишутся, не вполне понятен порядок их действий и не всегда можно заранее задать исключения. Таковыми являются, к примеру, приведенные выше случаи.

Но зато мы получаем возможность прогнозировать выбор правильной формы с учетом всех изменчивых факторов контекста. Это происходит за счет того, что вместо однозначных правил, мы включаем целый комплекс противоречивых факторов, выбор из которых осуществляется с учетом важности каждого из них.

3. Итак, интерактивный подход оказывается логичным развитием деятельностного подхода, принятого в лингвопрагматике. Вместе с тем, он заставляет отказаться от однозначной формулировки правил и ввести практически недискретные, априори не перечисляемые условия, которые оказываются (по крайней мере, нередко) уникальными, и их учет представляет собой творческую процедуру, которую осуществляет говорящий. В принципе, такое творческое начало можно считать необходимым компонентом деятельности говорящего, если рассматривать ее с момента подбора средств для отражения какого-либо фрагмента реальности (выбор средств номинации).

Для большинства случаев эта процедура оказывается излишней. Это характерно для ситуации, когда предпочтительность какой-то одной формы очевидна. На долю примеров, когда это не так и у говорящего есть выбор, приходится, видимо существенно меньше пятидесяти процентов. Из них заметную часть составляют ситуации, описываемые функциональными грамматиками: выбор слова или граммы определяется свойствами контекста без учета каких-то особенностей поведения коммуникантов. И только для оставшихся случаев имеет смысл моделировать поведение говорящего, учитывающего большое количество факторов при выборе наиболее легко понимаемой формы. Получается, что интерактивный подход должен применяться нечасто, однако для некоторых случаев обращение к нему оказывается необходимым для правильного выбора формы. Рассмотрим его подробнее.

Процедура сравнения, в соответствии с постулатами Грайса, заключается в том, что говорящий на основании известных ему представлений слушающего (его знание значений сравниваемых форм, знание предшествующего и более широкого контекста, представлений о мире и т.п.) решает, какая из форм будет понята слушающим легче. Понимание с необходимостью включает в себя выводы, которые приходится делать слушающему, чтобы восстановить замысел говорящего, и эти выводы как раз и будут делаться на основании всех перечисленных сведений. Задача говорящего – предугадать, при использовании какого слова или граммы выводы будут короче и более однозначны, т.е. в большей степени отвечать постулатам Грайса.

Например, при описании правил выбора приставочных глаголов движения не всегда удастся предсказать выбор приставки на основании ее основных значений. Скажем, выбор между глаголами *Он пришел* и *Он вошел* определяется разницей между значением: «Начать находиться в результате движения» (*приходить*) и «Пересекать границу закрытого пространства, двигаясь внутрь» (*входить*). В принципе, оба глагола часто описывают одну и ту же ситуацию: *приходить в институт нельзя, не входя в него, и наоборот*. Разница заключается в степени эксплицитности тех или иных компонентов значения: идея нахождения где-либо является

имплицатурой из значения глагола *входить*, а для глагола *приходить* такой имплицатурой являются все смыслы, связанные с этапами движения. И это играет роль в зависимости от того, что было и будет сказано говорящим. Для обозначения ситуации, соотносимой с моментом пересечения «границы замкнутого пространства института», выбирается *входить*, т.к. слушающий получает информацию о пересечении границы в явном виде, что отвечает постулатам Грайса, и поэтому легче можно выстроить связи с контекстом, например, для фразы *Он вошел в институт и сразу же увидел траурное объявление*. (Борисова 1996).

Если процедура сравнения не дает явному преимуществу одному из вариантов, то оба оказываются допустимы, хотя и с разной степенью приемлемости. В приведенном примере *пришел* вместо *вошел* дает тоже достаточно приемлемый текст. Однако если разница в предпочтениях заметна, выбор окажется однозначным. Для ситуации, описываемой предложением *Он пришел в институт пораньше и сразу начал делать необходимые звонки* замена *пришел* на *вошел* практически неприемлема, хотя и в этом случае значение глагола *входить* не противоречит выражаемым смыслам (что обычно считается основной причиной недопустимости сочетаний слов).

4. Предлагаемые процедуры могут помочь при описании грамматических категорий, грамматики которых несут номинативное значение, которое не всегда должно быть выражено, и тогда – поскольку выбор все равно должен делаться – учет относительно малозначимых моментов становится необходимым. Эти случаи мы затронули выше при рассмотрении конкуренции видов глагола. Далее мы столкнулись с тем, что эти процедуры необходимо включать для описания отражения реальности, если для этого существует несколько несинонимичных средств выражения – в нашем случае глаголы *приходить* и *входить*, однако то же наблюдается и с другими глаголами движения, союзами *а* и *но*, некоторыми частицами.

Отдельный вопрос представляет использование процедур выбора при описании лексики. Толкования слов, наряду с прочим, строятся на основании анализа их сочетаемости. Например, необходимость отразить в значении слова *светить* смысла «испускать свет» следует из того, что невозможно сочетание **зеркало светит*. Предполагается, явно или неявно, что в значение одного из слов входит компонент, противоречащий значению другого. Однако в случае с глаголами движения мы показали, что невозможность употребления одного глагола может быть вызвана не противоречием контексту, а большим соответствием замыслу говорящего.

Поэтому учет правил выбора может избавить нас от поисков противоречащих компонентов в значении слова. Например, до сих пор вызывают трудности различия между словами *пользоваться-воспользоваться* и *использовать* (двухвидовой). Причиной различий в сочетаемости часто считают компонент «обычности», «предназначенности» инструмента: *я пользуюсь за столом вилок*, но не **я использую вилку*. А *использовать* означает «заставить что-то работать нетривиальным образом». (Maier 1991). Однако есть примеры, когда *используют* инструмент тоже достаточно регулярно: *Он всегда использовал десертный нож так, как это принято*. И, напротив, можно сказать *Чтобы выковырять орех из скорлупки, я воспользовался булавкой*.

Эти примеры доказывают, что мы имеем дело не с абсолютным запретом, а с нежелательностью употребления, которая в каких-то контекстах может исчезать. Это означает, что в значении слов нет указанных компонентов, а предпочтительный выбор только одного слова определяется его большей приемлемостью согласно постулатам Грайса. В этом случае задача лексикографа – так описать значение слова, чтобы использование этих постулатов могло предсказать реальные случаи его употребления или запрета. В частности, для глагола *пользоваться* описание может звучать «обращаться к чему-либо с целью получить пользу» (например, *пользоваться цитатами* – обращаться к цитатам так, чтобы это принесло пользу, например, в доказательстве). *Использовать* же можно описать так: «заставить действовать что-либо так, что это приносит деятелю пользу» (например, *использовать материал* – заставить материал работать). Невозможность примера **Я использую за столом вилку* вызвано не противоречиями в значении, а тем, что в данной ситуации «обращение к предмету» (*пользоваться*) более приемлемо, чем «заставлять предмет работать» (этот смысл тоже отражает действительность, однако заложенная в нем активность предмета здесь излишняя, она менее точно отражает действительность).

5. Помимо прогностических свойств интерактивного подхода следует отметить и его объяснительные потенции. Обращение к постулатам Грайса вводит в некоторую приемлемую для человеческой логики модель случаи несвободной сочетаемости типа *нести ответственность, брать на себя ответственность* и т.п. Здесь представляется «загадочным» не сама сочетаемость, а ее ограничения – почему *нести*, а не *соблюдать, держать* и т.п. А обнаруженная в этой области серийность сочетаний заставила говорить о том, что «мы живем метафорами» (см. Лакофф, Джонсон 2004).

Если исходить из того, что и при выборе компонентов словосочетания говорящий руководствуется все теми же постулатами, то оказывается, что понимание может базироваться на обращении к уже закрепленным, цельным словосочетаниям, (к словарю устойчивых сочетаний, дополняющему словарь, хранящийся в мозгу каждого носителя языка). Но могут учитываться и значения исходных компонентов. Точно так же при описании продуктивного словообразования можно считать, что адресат узнает все слово целиком, а можно – что он складывает его значение из значений компонентов. Для большинства случаев – как и в области словообразования, так и несвободной сочетаемости – логично предположить, что оба способа понимания играют свою роль: для одних случаев важнее узуализированная закрепленность всего комплекса (например, *чинить препятствия*), для других – обращение к компонентам (*высокая скорость, совершать преступления* и т.п.). Соответственно, и для речепорождения приходится говорить о возможности выбора нужной формы на

основании учета как основных значений слов, так и узуализированных, закрепившихся за словами в устойчивых сочетаниях (что отражается и в словарях).

Рассмотрим теперь применение интерактивного подхода для ситуации, когда говорящий действует по второму типу, т.е. подбирает компоненты для словосочетания. В соответствии с рассмотренными выше постулатами он должен выбрать наиболее понятные для слушающего средства. Допустим, он выбирает компоненты для выражения значения действия (лексическую функцию Oper1) с со словом *киднэппинг*. Слово означает разновидность преступления - похищение. В принципе, можно было бы представить здесь много глаголов, реально встречающихся для выражения этой функции: *делать, производить, провести* и т.п. Однако поскольку с большинством названий преступлений используется глагол *совершать*, то и здесь применение этого глагола будет легче понято адресатом. Именно этот вариант: *совершать киднэппинг* и появился в русском языке, хотя и не вполне закрепился узуально.

Заметим, что другое новое название преступления – *рэкет* – имеет другую сочетаемость в связи с большим сходством с иной деятельностью – *рэкетом занимаются* как и торговлей, коммерцией и т.п. Обычно такое расширение употреблений трактовалось как действие аналогии. Интерактивный подход дает этому понятию лингвистическую интерпретацию: говорящий выбирает то же средство, что и для предыдущего схожего случая, поскольку слушающему легче понять то, что похоже на уже понятное.

Соответствующие построения могут быть приведены и для интерпретации серийной сочетаемости, когда одно слово (обычно абстрактное) повторяет (хотя практически всегда не полностью) сочетаемость другого: *любовь и огонь горячие, вспыхивают, любовью можно пылать* и т.п. Именно такие случаи (спор это бой, время это ресурс и т.п.) и дали основания Дж.Лакоффу постулировать «видение мира через метафору». (Лакофф, Джонсон 2004).

Не отрицая такой – теперь уже повсеместно принятой – трактовки, предлагаем вскрыть здесь собственно лингвистический аспект, что и делается через привлечение интерактивной модели. В соответствии со сформулированными выше предположениями, деятельность говорящего представляется как выбор нужных – а именно, наиболее легких для понимания - компонентов сочетаний. После того, как один из компонентов уже выбран на основе метафоризации (переосмысления) слова, например, *дружба связывает*, слушающему легче понять новое сочетание, если в нем будет реализована та же или схожая метафора: *узы дружбы, дружба завязалась* и т.п. (Можно говорить о появлении у слова нового значения, которое реализуется в несвободных сочетаниях).

В пользу такого предположения говорит тот факт, что перенос сочетаемости далеко не всегда бывает полным (как следовало бы, если бы человек просто «видел мир через призму метафоры»). Так, *любовь не может коптеть, гаснуть*, как огонь, зато может *зарождаться, расти, переполнять*, что невозможно для огня. Если считать, что говорящий просто выбирает более понятные средства (узуализацию мы сейчас выносим за скобки), то понятность может быть вызвана и другими причинами, вне ведущей метафоры. Так, *переполнять* сочетается со многими названиями чувств и точно описывает ситуацию, которая через метафоры огня получилась бы приблизительной: *любовь* должна была бы *охватывать*, как *охватывает огонь*, но этот глагол недостаточно точно передает ощущение удивления перед интенсивностью любви.

6. Итак, мы рассмотрели основные особенности интерактивного подхода как составляющей прагмалингвистического направления. Подход обладает рядом достоинств. Это возможность прогнозирования правильного выбора формы и слова в условиях, когда другие подходы такой возможности не дают или делают это менее точно. Были показаны и некоторые объяснительные возможности учета взаимодействия партнеров на основании постулатов Грайса.

Вместе с тем, очевидна и ограниченность данного направления – число случаев, требующих прибегать к нему, относительно невелико. Процедура выбора сложна для формализации и требует еще немалых усилий для придания ей однозначности. Поэтому очевидно, что подход способен занять достаточно скромное место в арсенале лингвистических средств и методов описания языка. Вместе с тем, несомненно, что и отказываться от него не стоит: учет взаимодействия партнеров по речевому общению может существенно помочь при моделировании речевого воздействия и при решении ряда других задач, которые поставлены перед лингвистикой и ее практическими направлениями, и логикой внутреннего развития.

Литература

1. Алпатов В.М. *История лингвистических учений*. М. 2005
2. Борисова Е.Г. *Значение слова и описание ситуации*. – *Вестник МГУ*, №3 1996 – с.37-50.
3. Лакофф Дж, Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. – М. 2004.
4. Рассудова О.П. *Употребление видов глагола в современном русском языке*. - М. 1982.
5. Grice H.P. *Logic and conversation*. – In: *Syntax and Semantics v.4 academy Press 1975*. p.41-58.
6. Meier I. *Verben mit der Bedeutung 'benutzen' im Russischen. Untersuchungen einer lexikalisch-semantischen gruppe*. – In: *Acta Universitatis Upsalensis*. – Uppsala. 1991.
7. Sperber D. Wilson D. *Relevance: communication and cognition*. Oxford 1986.